

ные и совхозные парторганизации Белоруссии учитывали такие общественные группы, как молодежь и женщины. Значительную часть принимаемых ими в партию составляли члены ВЛКСМ. Так, в Толочинском районе комсомольцы колхозов и совхозов в партийном пополнении 1979—1980 годов составляли 73,8, в Круглянском—77,4 %¹⁵.

Заметным был приток в ряды КПСС и женщин. Однако в различных сельских районах уровень работы по приему их в партию колебался. Например, в Минской областной парторганизации женщины в числе принятых в КПСС в 1977 году составили 39,1 %, в 1978 году—39,7, в Узденском районе—соответственно 45,3 и 40,6, а в Минском—только 34,3 и 34,6 %¹⁶. ЦК КПБ неоднократно отмечал слабую работу по отбору в КПСС женщин и комсомольцев Ляховичской, Лоевской, Дятловской и некоторых других районных парторганизаций.

Регулирование—это не только забота о качественном составе, но и чистоте партийных рядов. XXVII съезд КПСС подчеркнул важность неустанной борьбы за чистый и честный облик партийца, потребовал очищать партийные ряды от всех, кто компрометирует звание члена КПСС¹⁷. И в годы десятой пятилетки качественное улучшение состава парторганизаций, правильная расстановка партийных сил в колхозах и совхозах Белоруссии обеспечивали повышение боевитости первичных партийных организаций, усиление их роли в развитии сельскохозяйственного производства.

¹ См.: Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.—М., 1986.—С. 105.

² ПА ИИП при ЦК КПБ.—Ф. 4, оп. 117, д. 66, л. 69.

³ Там же.—Ф. 4, оп. 117, д. 78, л. 4—10.

⁴ ПА Брестского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 55, д. 90, л. 6.

⁵ См.: Коммунист Белоруссии.—1981.—№ 4.—С. 31.

⁶ См.: Коммунистическая партия Белоруссии.—Минск, 1981.—С. 51, 61.

⁷ Подсчитано по материалам партархивов: Брестского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 46, д. 100, л. 7; Витебского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 135, д. 117, л. 131; оп. 148, д. 106, л. 141; Минского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 52, д. 298, л. 5; д. 349, л. 4; Могилевского ОК КПБ.—Ф. 9, оп. 155, д. 82, л. 2; оп. 165, д. 86, л. 2.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 39.—С. 224.

⁹ Подсчитано по материалам партархивов: Брестского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 49, д. 111, л. 6; оп. 50, д. 83, л. 5; оп. 55, д. 90, л. 6; оп. 58, д. 115, л. 6; Витебского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 136, д. 103, л. 132; оп. 137, д. 106, л. 131; оп. 142, д. 117, л. 137; оп. 145, д. 109, л. 138; оп. 148, д. 106, л. 140.

¹⁰ См.: Коммунистическая партия Белоруссии.—С. 52.

¹¹ ПА Гомельского ОК КПБ.—Ф. 144, оп. 150, д. 24, л. 139—140.

¹² См.: Коммунистическая партия Белоруссии.—С. 45.

¹³ См.: Коммунист Белоруссии.—1981.—№ 12.—С. 38.

¹⁴ ПА Витебского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 148, д. 8, л. 95.

¹⁵ Подсчитано там же.—Ф. 85, оп. 45, д. 3—8; оп. 47, д. 6—12; Подсчитано по материалам партархива Могилевского ОК КПБ.—Ф. 51, оп. 33, д. 4—7; оп. 34, д. 8—12.

¹⁶ ПА Минского ОК КПБ.—Ф. 1, оп. 52, д. 329, л. 19.

¹⁷ См.: Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Политическому докладу ЦК КПСС.—М., 1986.—С. 23.

АННА ЛУИСА ЛОПЕС ПЕНЬЯ

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА КУБЕ В 1934—1935 ГОДАХ

После падения диктаторского режима Херардо Мачадо, сменного волной августовской (1933) всеобщей забастовки, к власти на Кубе пришло правительство Рамона Грау сан Мартина, выражавшее интересы националистически настроенной мелкой и средней буржуазии. Под давлением трудящихся оно приняло ряд прогрессивных законов, в частности о введении 8-часового рабочего дня, об установлении минимального размера заработной платы, национализации ряда иностранных компаний и др.¹. В этот период росло влияние коммунистов среди рабочих, крестьян, средних слоев кубинского общества. Партия «переживала подлинный период подъема»². Все авторитетнее звучал голос Национальной конфедерации кубинских рабочих (КНОК). В ряде городов возникли Советы, рабочие устанавливали контроль над предприятиями.

В январе 1934 года реакционные силы совершили государственный пе-

реворот. К власти пришла кубинская олигархия, пользовавшаяся покровительством американского империализма. Хотя президентский пост занял Карлос Мендиети, но фактически руководство страной оказалось в руках генерала Фульхенсио Батисты, который установил военную диктатуру и развернул жестокий террор против демократических сил. По оценке революционной печати, Куба была превращена в огромную тюрьму. Трибуналы выносили противникам режима самые суровые приговоры, вплоть до высшей меры наказания. Президент К. Мендиети заявил, что он не допустит «ни революционной, ни политической деятельности рабочего класса»³.

Экономический кризис 1930-х годов еще более ухудшил и без того бедственное положение трудящихся масс, средних слоев населения. В стране обострились социальные противоречия. Не прекращалось стачечное движение, которое вскоре вылилось в новую всеобщую забастовку. Рабочий класс Кубы снова проявил себя как серьезная революционная сила. Он все решительнее поднимался на борьбу против режима Батисты—Мендиети.

II съезд кубинских коммунистов, состоявшийся в апреле 1934 года, призвал всех трудящихся к борьбе против военного режима, за победу антиимпериалистической революции и переход власти в руки рабочих и крестьян⁴.

По призыву КПК и КНОК были проведены многочисленные забастовки рабочих ведущих отраслей экономики. 7 февраля в Гаване состоялась стачка табачников, транспортников, печатников, связистов, в которой приняло участие около 140 тыс. человек. Стачечники выступили против попыток властей ликвидировать демократические завоевания трудящихся. В марте возобновилась забастовка гаванских табачников, требовавших справедливой оплаты труда. Их поддержали рабочие сахарных заводов, докеры, работники транспорта, сферы обслуживания. Только в столице бастовало 80 тысяч человек, а по всей стране—200 тысяч⁵. В мае забастовали работники телефонной связи, протестуя против насилия в стране североамериканских компаний. Они также требовали повышения заработной платы. Более двух месяцев связь на Кубе была полностью парализована. В столице и других городах состоялись многочисленные демонстрации и митинги в поддержку бастующих. В июне в Сантьяго-де-Куба состоялась одночасовая забастовка, в которой участвовали портовики, железнодорожники, работники сферы обслуживания.

Стачечные выступления, забастовки кубинских трудящихся осенью 1934 года возобновились с новой силой. Одним из самых крупных выступлений трудящихся оказалась забастовка почтово-телеграфных служащих. 6 тыс. человек прекратили работу, требуя улучшения условий труда и жизни, возвращения уволенных товарищей. Страну охватило движение солидарности с почтовиками. Прекратили работу торговые центры, банки. Власти прибегли к репрессиям. Однако настойчивость, боевой дух участников забастовки заставили правительство пойти на уступки. Были освобождены организаторы забастовки, ее участникам была выплачена компенсация. Власти вынуждены были также повысить зарплату лицам с большим стажем работы⁶.

В этот период поднимаются на борьбу за свои права и сельскохозяйственные рабочие. Примером может служить выступление поденных рабочих в усадьбах «Ла Ольга» и «Каталунья» в районе Сантьяго-де-Лас-Вегас. Поденщики требовали оплаты сверхурочной работы, а также права объединения в профсоюз. Владельцы имений ответили на это требование увольнением всех работников. Однако штрейхбрехеров среди сельхозрабочих не оказалось. Забастовщики держались стойко. В конце концов хозяева вынуждены были отступить. Они вернули уволенных рабочих и приняли все условия бастовавших⁷.

Классовая борьба кубинского пролетариата достигла кульминации в марте 1935 года. Начавшаяся в Гаване 9 марта всеобщая забастовка быстро распространилась на другие города. По всей стране проходили стачки, многотысячные митинги и демонстрации, главным лозунгом которых было требование восстановить демократические порядки. В этом массовом движении принимали участие рабочие, служащие, врачи, учителя. Прекратились занятия в Гаванском университете. Преподаватели и студенты присоединились к забастовщикам. В эти дни мощно проявил себя сельскохозяйственный пролетариат. В разгар сафры рубщики Ховельяноса, Сьего-де-Авила и других важных районов выращивания и производства сахара прекратили работу, протестуя против низкой оплаты труда.

Только при помощи армии полицейские силы смогли подавить всеобщую забастовку трудящихся⁸. Власти обрушили на организаторов движения репрессии. Деятельность Национальной конфедерации кубинских рабочих была запрещена. Компартия по-прежнему оставалась вне закона. Руководители КПК и КНОК были арестованы. После убийства в мае 1935 года лидера революционного студенчества Антонио Гитераса организация «Молодая Куба», которую он создал и возглавлял, переживала серьезный кризис.

Несмотря на поражение, кубинская буржуазно-демократическая революция 1933—1935 годов способствовала сплочению всех демократических сил в борьбе против реакционной диктатуры.

¹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории.—М., 1984.—Т. 5.—С. 536.

² I съезд Коммунистической партии Кубы.—М., 1976.—С. 23.

³ См.: *Periodico La Palabra*.—1935, 20 de enero.—P. 3.

⁴ См.: Очерки истории Кубы.—М., 1978.—С. 255.

⁵ *Periodico Bandera Roja*.—1934, 25 de marzo.—P. 6.

⁶ Там же.—1934, 18 de junio.—P. 4.

⁷ Там же.—1934, 16 de junio.—P. 4.

⁸ Там же.—1935, 28 de marzo.—P. 4.

П. А. ШУПЛЯК

ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ПЕРИОД КАППОВСКОГО ПУТЧА

Капповский путч 1920 года был попыткой реакционно-милитаристских сил Германии ликвидировать завоевания Ноябрьской революции и вернуть власть монархистам, которые опирались на реакционную буржуазию и юнкерство. Однако такое откровенное посягательство на революционные завоевания вызвало решительное сопротивление пролетариата. Важную роль в борьбе против путча сыграли профсоюзы. «Попытка германской монархической партии произвести переворот,—писал по этому поводу В. И. Ленин,—разбилась о сопротивление немецких профессиональных союзов рабочих, когда рабочие... все восстали и сломили военные силы»¹.

Профсоюзное движение в Германии того периода было неоднородным. В нем можно выделить три направления: так называемые «свободные», христианские и гириш-дункеровские профсоюзы. Свободные профсоюзы или Всеобщее объединение германских профсоюзов (АДГБ) были связаны с СДПГ. Связь эта базировалась на одинаковом подходе к определению будущего рабочего класса Германии и методов его достижения. Как партийные, так и профсоюзные лидеры занимали в рабочем движении оппортунистические, реформистские позиции. Это не мешало профсоюзным лидерам в ряде случаев осуществлять самостоятельную, а иногда даже противоречащую официальному курсу СДПГ политику.

Христианские и гириш-дункеровские профсоюзы представляли собой профессиональные организации рабочих, призванные, по мнению их основателей и руководителей, служить массовой базой для осуществления буржуазной политики. Первые из них в своей деятельности руководствовались принципами христианского учения, вторые—требованиями буржуазного либерализма. Для христианских профсоюзов политическим ориентиром была партия Центра, для гириш-дункеровских—Демократическая партия.

После Ноябрьской революции роль и влияние профсоюзов в общественной жизни Германии значительно возросли. Численность свободных профсоюзов увеличилась в 1918—1920 годах с 2,8 до 8 млн, христианских—с 0,5 до 1,1 млн, гириш-дункеровских—с 113,8 до 226 тыс. человек². Помимо этого в 1920 году было профессионально объединено в различных союзах около 1,5 млн служащих. В Национальном собрании, избранном в 1919 году, из 421 депутата 75 были профсоюзными функционерами различного ранга³. Таким образом, профсоюзы представляли собой весьма серьезную силу. Более того, после начала путча, в условиях, когда правительство, потеряв поддержку армии, не предприняло никакого сопротивления путчистам и позорно бежало из столицы, профсоюзы оказались практически единственной организованной силой, способной сорвать планы контрреволюции.

Профсоюзные лидеры, и в первую очередь руководство АДГБ во гла-